

СТАНОВЛЕНИЕ ОБРАЗА СОЮЗНОЙ ФРАНЦИИ В РОССИИ НАКАНУНЕ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Накануне Первой мировой войны в России, как и в других странах, происходила мобилизация национального самосознания, более четко определялись как национальное «Я», так и дружественный и враждебный «Другой». Образы других народов, формировавшиеся в российском обществе в условиях активизации внешней политики страны на рубеже XIX–XX в., являлись порождением не только международной конъюнктуры, но и собственного социокультурного контекста. Наибольшее влияние на их конструирование оказывали представления о национальных интересах страны и внешнеполитические стереотипы, и, с другой стороны, глубинные предрассудки и мифы, сопряженные с этническими образами, бытующими в общественном сознании.

Основным внешнеполитическим союзником России в конце XIX — начале XX в. была Франция. Русско-французский союз стал первым «кирпичиком», оказавшимся в основании блока Антанты. В условиях назревающего глобального противостояния противоречия между государствами, принадлежавшими к враждебным группировкам, осознавались не только элитами, но и значительными слоями обществ как жизненно важные. Одновременно предметом рефлексии становилась взаимосвязь интересов государств в борьбе с общими потенциальными противниками. Данные обстоятельства определили направленность процесса формирования образов противников и союзников своей страны в российском общественном сознании накануне I Мировой войны.

История союзнических отношений России и Франции восходит к 90-м гг. XIX в., когда в ответ на создание и возобновление Тройственного союза оформился оборонительный франко-русский военно-политический союз. Быстро растущая мощь Германии на рубеже XIX–XX вв. рассматривалась обеими державами как угроза миру и равновесию сил на европейском континенте. Это создавало прочную основу политики укрепления русско-французских отношений. Помимо проведения со второй половины 1980-х гг. в обеих странах целенаправленного курса на сближение, оно было обусловлено также сходностью ситуации, в которой оказались Россия и Франция после Крымской и Франко-прусской войны, ростом значимости идеалов свободы и демократии для части российского общества в условиях его модернизации. К 1886 г. идея русско-французского сближения сформировалась в сознании общественности двух стран: во Франции она стала знаменем патриотизма, ее настойчиво пропагандировала Ж. Адан на страницах издаваемого ею журнала «Nouvelle Revue»; в России эти идеи активно внедряли «Биржевые ведомости», «Московские ведомости», «Новое время»¹.

Взаимная заинтересованность в сотрудничестве и противостоянии общему противнику, затрагивающая жизненные интересы обеих наций, обусловила изменение не только рациональных установок восприятия, но и эмоционально-психологического настроения, национальных чувств двух народов. Они получили зримые проявления во время взаимных визитов морских эскадр и высокопоставленных

делегаций, сопровождавших глав государств и высших должностных лиц обеих стран в 1890-е — начале 1900-х гг. В этой ситуации происходило преодоление инерции негативных стереотипов в отношении Франции и французов, сформировавшихся в русском общественном сознании под влиянием антинаполеоновской борьбы и Крымской войны, восприятия культурных различий. Негативные этностереотипы в отношении французов, по свидетельству современников, включали прежде всего представления об их «легкомыслии» и «мещанстве»².

Образ «другого», являясь продолжением образа «мы», компонентом национальной идентичности, всегда вписывается в систему исторических представлений. Не исключением было и переосмысление образа Франции и французов в новой исторической ситуации, когда происходило выстраивание союзнических отношений. Оно осуществлялось в контексте переоценки опыта взаимодействия двух народов, находило разнообразное проявление в общественной жизни. Особенно частой была апелляция к истории Крымской — «Севастопольской» войны. В «Новом времени» подчеркивались высокие моральные (в противовес англичанам) и боевые качества французов, описывались их «рыцарские» отношения с русскими в период войны³. Своеобразное выражение переосмысления конфликтного опыта находило в тостях, для которых в атмосфере эмоционального подъема были характерны более откровенные и прямые высказывания. В 1891 г., на приеме в Петербурге в честь французской эскадры один из генералов заявил, что «хотя французы сожгли Москву, а русские взяли Париж, те и другие оставались противниками, но никогда не были врагами»⁴. В Москве генерал М.Г. Черняев на таком же обеде в тосте в честь французского народа, «его доблестной армии и флота» подчеркнул, что Крымская кампания была скорее «рыцарским турниром», чем враждебным столкновением⁵. Обращение к опыту Крымской войны в новой внешнеполитической ситуации, его переосмысление способствовало не только укреплению франко-русского союза, но и «снятию травмы» Крымского поражения для русского сознания. Это достигалось путем возвышения образа «противника»-француза и борьбы с ним, которая, в отличие от отношений врагов, не была, как это подразумевалось, отмечена непримиримыми противоречиями.

Близость культуры двух народов, создающая возможности взаимопонимания, становится одной из тем общественного дискурса⁶. Общность русских и французов показывается путем их явного или неявного противопоставления немцам. Союзническая идентичность формируется на основе противопоставления общему потенциальному противнику. Если русские и французы изображаются как тонко чувствующие и духовные, то немцы — как «черствые» и бездушные⁷.

Другой темой дискурса, выявляющей тенденцию формирования положительного образа Франции и французов, стали преимущества и достоинства французской общественной и политической жизни, широко обсуждаемые на страницах русской прессы. В зависимости от предпочтений авторов изданий различной направленности делался акцент на разных их сторонах. Республиканский строй и демократические политические завоевания, роль Франции в борьбе за великие идеалы свободы делали ее в глазах образованных, либерально и демократически ориентированных слоев русского общества страной-символом. В «Вестнике Европы» отмечалось, что история Франции «представляет собой неисчерпаемый запас самых драгоценных фактов для

освещения и выяснения различных вопросов из области политики», эта страна — «символ свободы», а ее народу «многое простится за то, что он так много и с такой любовью служил всему человечеству»⁸. В публикации «Русского богатства», посвященной итогам сенатских выборов во Франции, с удовлетворением говорилось о победе левых сил⁹. В более консервативном «Новом времени» объектом восхищения было разумное и комфортное устройство городского хозяйства, быта и жизни населения Франции¹⁰.

Активизация экспансии великих держав на Дальнем Востоке, сопровождавшаяся заключением англо-японского союза, привела к публикации в марте 1902 г. Россией и Францией декларации о незыблемости их союза как в европейских, так и в дальневосточных делах. Союзнические чувства, скрепленные интересами, проявлялись с обеих сторон, получая символическое выражение. Во время визита в Россию французского президента Э. Лубэ в мае 1902 г. на банкете прессы один из старейших сотрудников газеты «Новое время» С.Н. Сыромятников уподобил этапы русско-французского сближения развитию отношений между невестой (Францией) и женихом (Россией), которое привело к обручению, оформлению брачных уз, развитию брачного союза, от которого ожидали «прекрасных детей»¹¹. Вообще образ Франции — «невесты», выбирающей русского «жениха» из всевозможных других национальных кавалеров, был визуализирован в многочисленных карикатурах в обеих странах, а тема любви, брака, чувств между двумя народами и их символические выражения стали характерной чертой отношений двух стран. Страницы многих газет обошел рисунок «Разборчивая невеста», на котором известный французский художник Каран д'Аш изобразил «Марианну» в виде барышни, отвергающей ухаживания австрийского дворянина, английского денди, турецкого паши, испанского кабальеро, итальянского сеньора, прусского юнкера, а затем бросающейся в объятия русского казака¹². Визуальный ряд, в котором находило выражение русско-французское сближение, вызывал вполне определенные ассоциации, закреплял в общественном сознании положительный образ близкой союзницы, с которой связаны узами не только дружбы, но и любви.

В начале XX в. в период оформления Антанты союз двух стран получил дальнейшее укрепление и развитие. Россию и Францию, в отличие от ситуации с Англией, связывали в рамках Антанты широкие и достаточно определенные обязательства. Это особенно явно проявилось с 1911–1912 гг., когда в рамках усиления взаимодействия между членами Тройственного соглашения с 1911 г. стало более тесным и планомерным военное сотрудничество между Россией и Францией, а в 1912 г. была заключена франко-русская военно-морская конвенция¹³. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов писал о взаимодействии двух стран в тот период: «Отношения России и нашей союзницы Франции стояли на твердой почве договорных актов, которыми после подписания морской конвенции 1912 года определялась вся совокупность оборонительных мер, предусмотренных нашим союзным договором. Дополнять или развивать эти отношения в начале 1914 года уже не приходилось»¹⁴.

В то же время в отношениях России и Франции существовали противоречия, обусловленные расхождением интересов в ближневосточном регионе. Франция не была заинтересована в установлении российского контроля над черноморскими проливами, поддерживала амбиции Греции во время второй Балканской войны, проти-

воречившие славянским интересам. В целом, как и в отношениях с Великобританией, во время международных кризисов 1908–1913 гг. в сотрудничестве с Францией выявилось расхождение позиций, проявились противоречия, непонимание. Это была, как отмечал С.Д. Сазонов, «та раздвоенность, которая являлась последствием различия, а часто и непримиримости точек зрения великих держав во всех вопросах, касающихся Ближнего Востока»¹⁵. На образ Франции в России, прежде всего в восприятии леволиберальных и демократических слоев, отрицательное влияние оказала финансовая поддержка, которую эта страна оказала царскому режиму для подавления революции 1905–1907 гг. Положительная, но критическая, трезвая оценка франко-русских отношений в связи с этим стала доминировать в образованных, осведомленных кругах русского общества. Историк, эксперт по внешней политике кадетской партии С. Котляревский, анализируя итоги 1913 г., критически оценивал позицию Франции во время второй балканской войны¹⁶. Он подчеркивал ограничения и возможные осложнения союзнических отношений в условиях войны: «Не может быть непререкаемым догматом и франко-русский союз. Этот союз возник при такой политической конъюнктуре и в Европе и за ее пределами, которая весьма отличается от современной. Можно опасаться, что при остановке прироста населения во Франции на долгу России будет приходиться все больше тяжесть общей защиты... Кроме того, решительное преобладание во французской внешней политике финансовых интересов над экономическими заставляет ее избегать всяких колебаний status quo и сообщает ей отпечаток известной косности»¹⁷.

В России с удовлетворением восприняли избрание в январе 1913 г. президентом Французской Республики Р. Пуанкаре, бывшего до этого председателем Совета Министров и министром иностранных дел, активного сторонника укрепления русско-французского союза и Тройственного соглашения. Знаком особого уважения было пожалование ему Николаем II сразу же по вступлении в должность Андреевской ленты, обычно присуждаемой главам государств после некоторого времени пребывания у власти¹⁸. С.Д. Сазонов свидетельствует, что «посещение г-ном Пуанкаре в 1912 году Петрограда [так в тексте — *О.П.*] оставило по себе хорошее воспоминание. У нас оценили по достоинству его миролюбие, союзническую верность и редкую твердость воли, качество, не теряющее в государственном человеке своей цены, даже если оно иногда граничит с соответствующим этому качеству недостатком — упрямством»¹⁹. Проявлением доверия в русско-французских отношениях было то обстоятельство, что президент Р. Пуанкаре, министр иностранных дел Г. Думерг, французские дипломаты помогали накануне войны склонить Англию к установлению с Россией более близких отношений. Многолетние контакты военных, взаимные командировки офицеров для обмена опытом, отлаженная система обмена секретной информацией, взаимные визиты делегаций различного уровня, неформальные человеческие отношения, благожелательное общественное мнение — все эти факторы способствовали установлению атмосферы доверия во взаимодействии двух стран накануне I Мировой войны.

Таким образом, складывание положительного образа Франции и французов, начавшееся в середине 1880-х гг., получило в начале XX в. дальнейшее развитие. Восторженное увлечение страной и ее народом в период первого сближения во время взаимных визитов 1890-х гг. уступило место восприятию Франции как надежного

союзника России, которому можно доверять, а французов как народа, близкого по духу и обладающего несомненными достоинствами.

Примечания

- ¹ Рыбаченок И.С. Россия и Франция: союз интересов и союз сердец. 1891–1897. Русско-французский союз в дипломатических документах, фотографиях, рисунках, карикатурах, стихах, тостах и меню. М., 2004. С. 12.
- ² Андреев Л.Н. В сей грозный час. Статьи. Пг., 1914. С. 66; Ропшин В. Во Франции во время войны. М., 1918. Ч. 2. С. 5–6.
- ³ Новое время. 1903. 16(29) апр. № 9738. С. 6–7.
- ⁴ Рыбаченок И.С. Указ. соч. С. 27.
- ⁵ Там же. С. 37.
- ⁶ Новое время. 1903. 26 февр. (11 марта). № 9691. С. 7–8.
- ⁷ Новое время. 1903. 12(25) марта. № 9705. С. 7–9.
- ⁸ Проскурина Е.Н. Эволюция образа Другого: Франция на страницах журнала «Вестник Европы» (60–90-х гг. XIX века) // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. С. 169–170.
- ⁹ Русское богатство. 1903. № 2. С. 87–93.
- ¹⁰ Новое время. 1903. 10(23) мая. № 9762. С. 10–11.
- ¹¹ Рыбаченок И.С. Указ. соч. С. 192–193.
- ¹² См.: Рыбаченок И.С. Указ. соч. С. 73.
- ¹³ Емец В.А. Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны. Взаимоотношения России с союзниками по вопросам ведения войны. М., 1977. С. 37.
- ¹⁴ Сазонов С.Д. Воспоминания. Мн., 2002. С. 139.
- ¹⁵ Там же. С. 107.
- ¹⁶ Русская мысль. 1914. Кн. 1. С. 4.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 162.
- ¹⁹ Там же.

*М.С. Пьянкова
(Екатеринбург)*

ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ДИЗАЙНЕ

Так как Россия находится на стыке Запада и Востока, возникает проблема самоопределения, а также проблема диалога культур, которая на уровне дизайна представляет собой ряд противоречивых заимствований с обеих сторон, выливающих в китч. Так, например, дизайн «под Японию» — так называемая «японика» — зачастую представляет собой набор заимствованных стереотипных элементов. То же самое можно сказать о взаимовлиянии других культур. Разные эстетические традиции, взаимодействуя, вступают в противоречие, вызывая диссонанс. Основой японской эстетической традиции является мифологическое мышление, главной чертой которого является представление о мире как о едином целом. Именно стремление к целостности позволяет примерить противоречивые тенденции, поэтому новое в японской традиции всегда опирается на старое, а не отказывается от него.

В мифологическом мышлении объект и субъект — тождественны, что противоречит логике рационализма. Просветление (сатори), пишет Судзуки, — это состояние, когда «все качества сливаются в единое целое, возникает абсолютное единство познающего и познаваемого, единство субъекта и объекта»¹. Т.П. Григорьева указывает: «Закон сбалансированности (ва) определил мировоззренческую парадигму японцев: акцент не на том, что всего по два, а на том, что эти два — одно: отними одну половину — другая погибает»². Не становится дуализма, и, следовательно, не ста-